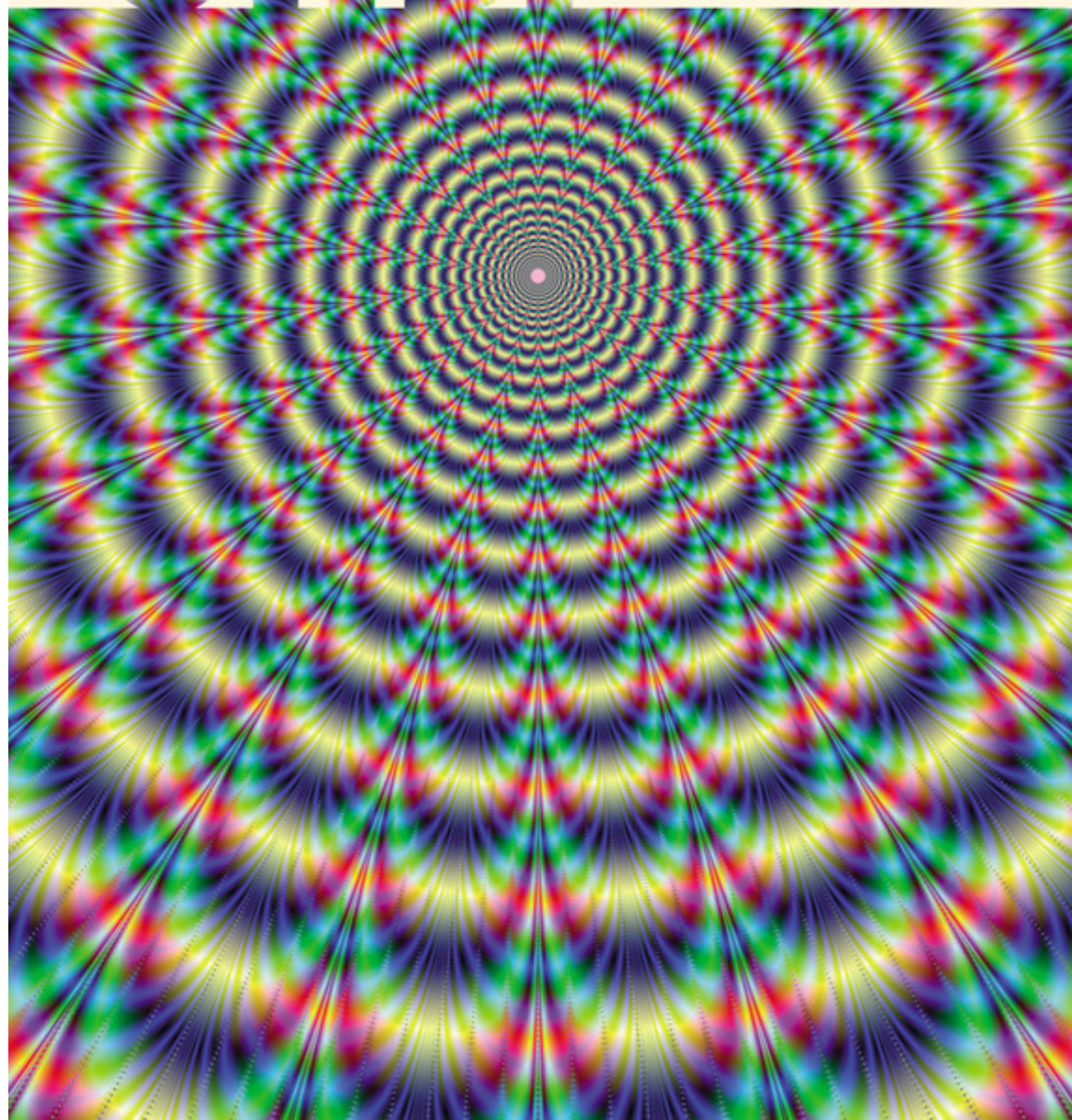

ЧИТАЙТЕ КНИГУ И СМОТРИТЕ СЕРИАЛ
AMEDIATEKA
HOME OF **HBO**

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ СНЫ

ФИЛИПА
К. ДИКА

Филип Дик

Электрические сны (сборник)

«ЭКСМО»

1953, 1954, 1955

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Дик Ф. К.

Электрические сны (сборник) / Ф. К. Дик — «Эксмо», 1953,
1954, 1955

ISBN 978-5-04-091024-3

Перед вами «Электрические сны Филипа К. Дика» – сборник самых лучших рассказов, отобранных для экранизации Брайаном Крэнстоном («Во все тяжкие», «Драйв») и воплотившихся в новейший одноименный сериал от Amazon и Channel 4. В них изобретают самовоспроизводящиеся машины, исследуется восприятие изменяющейся реальности, создается пугающая и темная политическая аллегория, актуальная как при холодной войне, так и в наше время. Странные и иногда забавные, эти поразительные истории подчеркивают талант, безграничное воображение и глубокое понимание человеческой природы, которыми обладал Филип К. Дик.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-091024-3

© Дик Ф. К., 1953, 1954, 1955
© Эксмо, 1953, 1954, 1955

Содержание

Капюшонщик	6
Невозможная планета	16
Пригород	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Филип К. Дик

Электрические сны

Philip K. Dick
Electric Dreams

© Абдуллин Н., Баканов В., Жаворонков А., Лопатка В., Осипова М., Скобин А., Черезова Т., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Капюшонщик

Название рассказа: Капюшонщик (The Hood Maker)

Название эпизода сериала: Капюшонщик (The Hood Maker)

Рассказ впервые издан в журнале Imagination за июнь 1955 года

– Капюшон!

– Человек в капюшоне!

Вниз по улице устремился живой поток рабочих и продавцов, вливаясь в набирающую массу толпу. Бросил велосипед и присоединился к ней желтолицый парень. А толпа все росла, вбирая в себя бизнесменов в серых костюмах, усталых секретарей, клерков и простых трудяг.

– Взять его! – орала толпа. – Схватить старика!

Желтолицый подобрал из канавы камень и швырнул в беднягу, но промазал. Снаряд угодила в витрину лавки.

– Он в капюшоне! Видите?!

– Ну-ка, снимай!

Полетели еще камни. Старик задыхался, пытаясь увернуться от них и протиснуться мимо двух солдат. Один камень угодил ему в спину.

– Чего прячешься? – Желтолицый подскочил к старику. – Боишься тэпов?

– Значит, есть что скрывать!

Один рабочий стянул со старика шляпу. Жадные руки впились в металлический обруч на голове.

– Нечего прятаться! Никто таких прав не имеет!

Старик повалился на асфальт. Какой-то клерк ухватился за обруч и потянул; вся толпа пыталась сорвать со старика капюшон. Наконец желтолицый с победным криком, подняв над головой обруч, отскочил от толпы.

– Есть! Есть! – Он оседлал велосипед и умчался прочь, увозя погнутый защитный прибор.

К тротуару, визжа сиренами, подъехала патрульная машина. Из нее выбрались роботы-полицейские и разогнали толпу.

– Вы не ранены? – спросили они, помогая старику встать на ноги.

Оглушенный, старик покачал головой. Очки у него повисли на одной дужке; по подбородку стекала кровь вперемешку со слюной.

– Понятно. – Металлические пальцы на локтях разжались. – Вам лучше уйти с улицы. Зайдите в какое-нибудь здание. Для вашей же безопасности.

Директор департамента цензуры Росс отложил рапорт.

– Еще один. Когда наконец отменят неприкосновенность?

Питерс поднял на него взгляд.

– Еще один – кто?

– Человек попался в капюшоне, защищающем от сканера. За последние сорок восемь часов это десятый. Все больше и больше устройств рассылается по почте.

– Можно по почте, можно под дверь сунуть, в карман, оставить на столе... Как только их не распространяют!

– Вот бы нам чаще доносили...

Питерс криво усмехнулся.

– Странно, что нам вообще стучат. Капюшоны рассылаются не случайно, и адресаты выбираются не наобум.

- Каков же принцип?
- Этим людям есть что скрывать. Зачем еще капюшоны?
- А как насчет стукачей?
- Эти боятся надевать капюшоны и сдают их нам, чтобы избежать подозрений.

Росс угрюмо задумался.

- Да, пожалуй, что так.

– Невиновному скрывать нечего. Девяносто девять процентов людей рады, что их мысли сканируются. Большинство хочет доказать преданность государству. Оставшийся процент чего-то стыдится.

Росс открыл манильский конверт и, вытащив из него гнутый обруч, внимательно изучил прибор.

– Взгляни-ка: всего лишь полоска какого-то сплава, а сканеры отрубает напрочь. Тэп не может дотянуться до разума: получает ответный сигнал – и все, ему будто по мозгам врезали.

- Ты ведь отправил образцы в лабораторию?
- Ну уж нет. Еще понаделают своих капюшонов. И так забот полон рот!
- У кого изъяли образец?

Росс нажал кнопку на панели селектора.

- Выясним. Тэп сам расскажет.

Дверь растворилась в воздухе, и в кабинет вошел худощавый желтолицый юноша. Заметив в руке у Росса металлический обруч, он напряженно улыбнулся тонкими губами.

- Вызывали?

Росс внимательно оглядел юношу: блондин, голубые глаза; на вид – обычный второкурсник колледжа, однако Росс знал, что Эрнест Аббуд – мутант-телепат, тэп. Один из нескольких сотен, нанятых департаментом за верность, выявленную в результате анализов разума.

До телепатов проверка на верность проводилась случайно: клятвы, экзамены, прослушка телефонных разговоров – всего этого оказалось недостаточно. Теория о том, что каждый обязан доказать преданность, была хороша... как теория. На практике подтвердить чистоту могли немногие. Казалось, принцип «виновен, пока не доказано обратное» будет забыт и восстановится римское право.

Тупиковая проблема решилась неожиданно, после Мадагаскарского взрыва в 2004 году. Тогда несколько сотен расквартированных на острове солдат получили жестокое облучение радиацией. Только некоторые обзавелись потомством, однако многие из детей проявили способности кардинально нового типа. Впервые за несколько тысяч лет родились нейромутанты.

Тэпы появились случайно, но сумели решить проблему, с которой столкнулся Свободный союз: выявление и наказание неверных. Телепаты для правительства были бесценны и свою незаменимость сознавали.

- Ты принес? – спросил Росс, указывая на капюшон.

Аббуд кивнул:

- Да.

За словами директора юноша не следил. Он прислушивался к мыслям.

- Что это был за человек? – вспыхнул Росс. – Где детали? В отчете их нет!

– Его зовут доктор Франклин. Он директор Федеральной комиссии по мобилизации ресурсов. Возраст: шестьдесят семь лет. Приехал навестить родственницу.

- Уолтер Франклин! Я слышал о нем. – Росс посмотрел на Аббуда. – Значит, ты уже...
- Едва сняв со старика капюшон, я прочел его разум.
- Куда Франклин двинулся после нападения?
- Зашел в здание. Послушался копов.
- Копов?

– Конечно. Как только со старика сняли капюшон, все прошло как по маслу. Франклина засек не я – другой телепат, который предупредил, что Франклин идет в мою сторону. Заметив его, я сразу крикнул людям, мол, смотрите, у него капюшон. Толпа среагировала моментально, подхватив призыв. Пока другие телепаты управляли толпой, я сорвал с Франклина капюшон и... дальше вы знаете.

Росс немного помолчал, переваривая услышанное.

– Ты вызнал, откуда у него капюшон? Успел просканировать?

– Экран прислали почтой.

– Значит, Франклин...

– Понятия не имеет, кто отправитель.

Росс нахмурился.

– Тогда колоть его бесполезно. Отправителей он не выдаст.

– Их называют капюшонщиками, – ледяным тоном заметил Аббуд.

Росс быстро перевел на него взгляд:

– Как?

– Тех, кто производит телепатические экраны, зовут капюшонщиками. – Лицо Аббуда оставалось бесстрастным. – Они и создали защиту, непроницаемую для меня и моих коллег.

– Ты уверен, что...

– Франклин ничего не знает! Он прибыл в город вчера вечером, а утром почтовая машина доставила ему капюшон. Старик испугался, однако потом купил шляпу и скрыл под ней экран. Затем пешком отправился к племяннице. Стоило ему войти в поле нашего сканирования, как мы его засекли.

– Капюшенов все больше и больше.

Все больше людей уходит от сканирования, ты и сам знаешь. – Росс плотно сжал челюсти. – Надо срочно прищучить этих капюшонщиков.

– Потребуется время. Сами отправители, несомненно, носят капюшоны постоянно. – Аббуд скривился. – Издалека мы их черта с два засечем! Наше поле ограничено, но однажды мы поймем одного из капюшонщиков: снимем с кого-нибудь экран и вытянем координаты...

– За последний год изловили пять тысяч носителей капюшенов, – напомнил Росс. – Пять тысяч, из которых ни один не знал ничего о создателе экранов.

– Будь нас больше, эффективность поисков бы возросла, – мрачно возразил Аббуд. – Телепатов слишком мало. Но в один прекрасный момент...

– Вы просканируете Франклина? – спросил Питерс у Росса. – Впрочем, как иначе?

– Да. – Росс кивнул Аббуду. – Ты тоже не теряй времени даром. Подключи свою группу, пусть проведут обычное сканирование подсознательной составляющей мозговой активности Франклина. Вдруг там зарыто нечто полезное. О результатах доложишь по форме.

Аббуд достал из кармана пиджака катушку с магнитной пленкой и бросил ее на стол Россу.

– Вот, держите.

– Что это?

– Полный анализ Франклина, по всем уровням. Детали – в записи.

Росс уставился на юношу:

– Ты...

– Мы решили не дожидаться приказа. – Аббуд направился к двери. – Работа проделана хорошая. Каммингс постарался. Мы выявили значительное отклонение от нормы в идеологическом плане. Вы, наверное, захотите арестовать Франклина? В двадцать четыре года он заполучил старые книги и музыкальные записи, которые оказали на него сильное влияние. В финальной части отчета – подробное резюме о степени отклонения.

Дверь растворилась в воздухе, и Аббуд вышел.

Росс и Питерс некоторое время смотрели ему вслед. Затем Росс сунул катушку с записью в конверт вместе с капюшоном.

– Будь я проклят, – выругался Питерс. – Они своевольно провели анализ.

Росс задумчиво кивнул в ответ:

– М-да... не нравится мне это.

Двое мужчин посмотрели друг на друга в полной уверенности, что Эрнест Аббуд в данный момент свободно читает их мысли.

– Проклятье, – бессильно ругнулся Росс. – Проклятье!

Задышавшись, Уолтер Франклин затравленно огляделся. Дрожащей рукой утер пот с морщинистого лица. Было слышно, как по коридору бегут агенты цензуры.

От толпы сбежать удалось, однако прошло уже четыре часа. Солнце село, и на Нью-Йорк опускался вечер. Франклин пересек полгорода, убрался почти на самую окраину, но... среди населения подняли тревогу, и теперь его, старого человека, идут арестовывать.

За что?

Ведь он честно трудился на правительство Свободного союза, не позволяя себе вольнодумия. Единственное, сегодня утром он вскрыл посылку и обнаружил в ней капюшон. Франклин вспомнил сопровождающую записку:

ПРИВЕТСТВУЕМ!

Создатель телепатического экрана любезно адресует вам данное устройство в искренней надежде, что оно пригодится.

Спасибо.

И все, больше никакой информации. Франклин надолго задумался: он не совершил ничего, опровергающего верность Союзу. Скрывать ему нечего. Однако... Мысль, что разум закроется и вновь будет принадлежать одному ему, Франклину, заволакивала. Думай о чем угодно и сколько угодно, мечтай о чем хочешь, твоих тайн никто не узнает.

Наконец он решился и, надев капюшон, прикрыл его старым хомбургом. Правда, стоило выйти на улицу, как минут через десять откуда ни возьмись появилась толпа: люди злобно кричали, ругаясь. Хотели сорвать с Франклина капюшон. А теперь объявлена тревога и его ищут.

Франклин отчаянно покопался в памяти. Что такого он сделал? Его совершенно точно приведут в Департамент цензуры. Обвинений не предъявят; велят самому доказать верность Союзу. Может, все-таки Франклин совершил нечто недостойное? Запомнил о проступке? Вдруг сам факт ношения капюшона преступен? В Конгрессе создали законопроект о запрещении телепатических экранов, но ведь он еще не прошел...

Цензурщики почти настигли его. Франклин кинулся в конец гостиничного коридора и дальше – к двери с красной табличкой «ВЫХОД». Сбежал по подвальной лестнице вниз и вышел на улицу. Снаружи небезопасно. Франклин как можно дольше старался оставаться в стенах зданий, подальше от негодующих толп, однако теперь выбора не осталось.

Что-то взвизгнуло, и в мостовую ударил луч, оплавивший камень. Стреляли из слем-пистолета. Задышавшись, Франклин побежал дальше – за угол и под любопытными взорами людей свернул на боковую улочку.

Выбежав на людную улицу, Франклин постарался смешаться с оживленной толпой, движущейся по направлению к театру. Интересно, агенты видели его? Оглядевшись, Франклин погони не заметил.

На перекрестке он дождался зеленого света и перешел дорогу до безопасной зоны, не упуская из виду лоснящуюся машину департамента цензуры. Автомобиль двигался в его

направлении. Засекли? Франклин пошел дальше, к противоположной стороне улицы. Машина вдруг прибавила ходу, и навстречу ей понеслась вторая.

Франклин перешел дорогу.

Первая машина департамента остановилась, и из нее на тротуар посыпались агенты.

Попался. Окружили. Не сбежать!

Шедшие мимо усталые продавцы и рабочие глазели на происходящее с отстраненным любопытством, а некоторые даже ухмылялись. И ни в одном лице не видел Франклин сочувствия. Озираясь вокруг, он не находил, где укрыться...

Перед ним вдруг остановилась машина. Двери отъехали в сторону.

– Садись! – позвала из салона симпатичная девушка. – Залезай, черт подери!

Франклин забрался внутрь машины. Девушка захлопнула двери, и автомобиль стартовал, однако путь ему загородила машина агентов. Вторая машина департамента перекрыла путь к отступлению.

Девушка подалась вперед и отрегулировала что-то на приборной панели. Автомобиль оторвался от дороги: быстро набирая высоту, он взлетел в воздух. Позади сверкнула фиолетовая вспышка.

– Пригнись! – велела девушка, и Франклин упал в кресло. Машина взмыла по широкой дуге и прошла над защитными столбами зданий. Цензурщики внизу сдались: они рассаживались по машинам и уезжали.

Франклин откинулся на спинку кресла, дрожащей рукой утирая пот со лба.

– Спасибо, – пробормотал он.

– Пустяки.

Девушка прибавила скорости. Автомобиль покинул деловую зону города и летел теперь над жилыми окраинами. Спасительница вела машину, молча глядя в небо перед собой.

– Кто вы? – спросил Франклин.

Девушка в ответ бросила ему некий предмет:

– Надень.

Капюшон. Ослабив крепление, Франклин неуклюже нацепил экран на голову.

– Готово.

– Без него телепаты нас засекут. Нужно быть настороже. Постоянно.

– Куда мы летим?

Девушка обернулась и, удерживая руль одной рукой, внимательно осмотрела Франклина спокойными серыми глазами.

– К капюшонщику, – ответила она. – Погоне за тобой придали самый высокий статус. Если я отпущу тебя, то ты и часа не выдержишься.

– Ничего не понимаю. – Франклин в недоумении покачал головой. – Зачем я им? Чем я провинился?

– Тебя подставили. – Девушка заложила широкий вираж, и ветер пронзительно засвистел в подвесках и крыльях. – Тэпы охотятся за тобой. Действуют они очень быстро, и нам нельзя медлить.

Сняв очки и близоруко сощурившись, невысокий лысый мужчина протянул Франклину руку:

– Рад встрече, доктор. Я следил за вашей работой в департаменте. Очень, очень интересно.

– Кто вы? – спросил Франклин.

Коротышка смущенно улыбнулся.

– Джеймс Каттер. Капюшонщик, как меня прозвали тэпы. Это наша фабрика. – Он обвел помещение широким жестом. – Можете осмотреться.

Франклин огляделся: старинный деревянный склад, какие были в ходу еще в прошлом столетии – поеденные древоточцами сухие распорки, бетонный пол, старинные мигающие флуоресцентные лампы на потолке. На стенах – следы от подтеков воды и пузатые трубы.

Сопровождаемый Каттером, Франклин двинулся в глубь помещения. От скорости, с какой разворачивались события, голова пошла кругом. Сейчас он, похоже, за пределами города, на обветшалом предприятии, где кругом над штамповальными прессами склонились работники. Горячий воздух охлаждался за счет старинного вентилятора; склад дрожал и вибрировал от постоянного грохота.

– Так это... – пробормотал Франклин, – это...

– То самое место, где производят капюшоны. Впечатляет, правда? Позднее мы рассчитываем перебраться в помещение поновее. А пока идемте, покажу остальную часть фабрики.

Каттер открыл боковую дверь, за которой находилась лаборатория, беспорядочно заставленная колбами и ретортами.

– Здесь мы проводим исследования. Исключительно практического характера. Каким-то открытиям нашлось применение, прочие, надеемся, в ход не пойдут. В общем, беглецы у нас без дела не сидят.

– Беглецы?

Сдвинув в сторону какое-то оборудование, Каттер присел за лабораторный стол.

– Большая часть людей на фабрике – по той же причине, что и вы. За ними гнались тэпы, хотели обвинить в измене государственным принципам, однако мы опередили систему.

– За что...

– За что вас подставили? За то, какого положения вы добились, директор правительственного департамента. Все беглецы когда-то занимали достаточно высокое положение в обществе, и всех их подставили телепаты. – Закурив, Каттер откинулся на грязную стену. – Мы существуем благодаря открытию, сделанному в правительственной лаборатории десять лет назад. – Он указал на капюшон. – Этот сплав непроницаем для зондов тэпов. Его случайно открыл один из тех, кто сегодня трудится с нами. Он успел скрыться от тэпов, собрал еще несколько капюшонов и передал коллегам. Так зародилось наше движение.

– Сколько здесь человек?

Каттер закашлялся.

– Не могу сказать точно. Достаточно, впрочем, чтобы создавать капюшоны, рассылая их нужным людям. Политикам, ученым, чиновникам и учителям...

– Ради чего?

– Мы должны добраться до них прежде тэпов. К вам мы, правда, опоздали. Не успели отправить капюшон. С вас уже сняли полную телепатическую карту.

Тэпы захватывают ведущую позицию в правительстве. Вычисляют лучших представителей общества и чернят в глазах остальных, подстраивают аресты. Стоит телепату обвинить человека в измене государству, как еретика хватает цензура. Пришли мы вам капюшон вовремя, цензура о вас не узнала бы, но тэпы нас перехитрили. Натравили на вас толпу, сорвали капюшон и тут же сканировали разум.

– Так вот зачем они требовали его снять...

– На человека, чей разум экранирован, телепаты досье не составят. В цензуре не дураки сидят. Капюшон с жертвы надо сорвать, потому что всякий носитель экрана непроницаем для телепатических зондов и пребывает вне системы. До сих пор тэпы справлялись с задачей, создавая управляемые толпы, однако... это малоэффективно. Теперь они задумали провести законопроект об отмене неприкосновенности. Проект сенатора Уолдо. Если он пройдет, ношение экранов объявят незаконным. – Каттер иронически усмехнулся. – Зачем невинному скрываться от зондирования? Закон обяжет всякого, кто получает по почте капюшон, сдавать прибор в Департамент цензуры. На десять тысяч человек едва ли найдется хотя бы один, кто

осмелится оставить капюшон себе, если хранение и ношение экрана подразумевает арест и конфискацию имущества.

– Один раз я общался с Уолдо. Не могу поверить, что законопроект – его. Ему бы открыть глаза...

– Вы абсолютно правы! Ему бы открыть глаза... Надо предотвратить принятие закона. Если он пройдет, мы обречены. Тут замешаны телепаты, и кто-то должен отправиться к Уолдо, чтобы открыть ему правду. – Каттер возбужденно посмотрел на Франклина. – Вы знаете сенатора, а он вас не помнит.

– Вы к чему это?

– Франклин, мы засылаем вас обратно... помочь Уолдо. Вы наш единственный шанс на то, чтобы остановить принятие закона. Мы обязаны преуспеть.

Ревя соплами, машина летела над Скалистыми горами; внизу мелькали кустарник, леса...

– Где-то справа должно быть ровное пастбище, – проговорил Каттер. – Сядем там, если сумею найти его.

Он выключил двигатели, и рев прекратился. Машина плавно пошла над холмами.

– Вон там, справа, – показал Франклин.

Каттер на бреющем повел машину вниз.

– Приземлимся неподалеку от поместья Уолдо. Остаток пути проделаем пешком.

Машина содрогнулась, когда посадочные плоскости со скрежетом вошли в землю, и сразу наступила тишина.

Деревья вокруг слабо покачивались на несильном ветру. Утренний воздух был холоден и прозрачен. Каттер посадил машину в горах, на берегу реки Колорадо.

– Каков шанс добраться до Уолдо? – спросил Франклин.

– Не особенно велик.

– Почему же? – завелся Франклин. – Почему невелик?

Открыв дверь салона, Каттер прыгнул на землю.

– Идемте. – Он помог Франклину выбраться наружу и захлопнул за ним дверцу. – Уолдо окружил себя роботами-телохранителями, потому-то мы и не пытались подобраться к нему прежде. Если бы не законопроект, мы и сейчас бы не сунулись к сенатору.

Они покинули пастбище, следуя по узкой, поросшей травой тропинке.

– Чего они добиваются? – спросил Франклин. – Тэпы. Для чего им власть?

– Такова, думаю, человеческая натура.

– Человеческая?!

– Тэпы не многим отличаются от якобитов, круглоголовых, нацистов или большевиков. Всегда найдется группа людей, жаждущих управлять массами, – себе на благо, естественно.

– Сами тэпы это сознают?

– По большей части они верят, будто рождены руководить человечеством. Обычные люди – низшая ступень, тогда как телепаты – ступень следующая. Номо superior. Поскольку тэпы ступень превосходящая, то им суждено руководить нами, думать и решать за нас.

– И вы с этим не согласны.

– Телепаты не похожи на нас, но это не значит, что они высшая раса. Телепатический дар не предусматривает превосходства. Тэпы – люди с неординарными способностями, которые вовсе не дают им права решать за нас, как нам быть. Проблема не нова.

– Кому же тогда руководить человечеством? – спросил Франклин. – Кому быть лидером?

– Никому. Человечество само должно решать за себя. – Внезапно Каттер напрягся, подавшись вперед. – Почти пришли. Поместье Уолдо совсем близко. В следующие несколько минут решится наша судьба.

– Вижу несколько роботов. – Каттер опустил бинокль. – Нас, впрочем, не они волнуют. Если рядом с Уолдо телепат, он засечет наши экраны.

– И снять их нельзя.

– Ни в коем случае. Наш план тогда моментально раскроется и полетит от тэпа к тэпу. – Каттер осторожно пошел вперед. – Роботы нас остановят и потребуют документы. Рассчитываю на ваше удостоверение директора.

Выйдя из кустов, двое мужчин направились к образующим поместье зданиям. Вышли на грунтовую дорогу и зашагали по ней, не разговаривая, глядя прямо перед собой.

– Стоять! – К ним поспешил робот-охранник. – Назовитесь!

Франклин показал удостоверение.

– Я из управляющего уровня. Мы пришли повидать сенатора, моего старого друга. Автоматически вращая рецепторами, робот изучил удостоверение Франклина.

– Управляющий уровень?

– Все верно, – ответил Франклин, начиная беспокоиться.

– Пропусти нас, – нетерпеливо потребовал Каттер. – У нас мало времени.

Робот неуверенно отступил.

– Простите, что задержал, сэр. Сенатор в главном здании. Идите прямо.

– Отлично.

Каттер и Франклин пошли дальше. На круглом лице Каттера выступил пот.

– Пронесло, – пробормотал коротышка. – Теперь будем надеяться, что в доме нет телепатов.

Дойдя до крыльца, Франклин неуверенно поднялся по ступенькам. Каттер – за ним. У самой двери старик задержался, обернувшись к коротышке:

– Мне...

– Вперед, – напряженно поторопил его Каттер. – Войдем скорей. Внутри безопаснее.

Старик взмахнул рукой. Дверной замок щелкнул, стоило объективу над входом заснять директора и просканировать его образ. Франклин молился про себя, чтобы цензура не успела предупредить Уолдо...

Дверь растворилась.

– Входите, – быстро проговорил Каттер.

Внутри царил полумрак. Прищурившись, Франклин увидел идущую навстречу невысокую гибкую фигуру. Уолдо?

Нет. Худой юноша с улыбкой на желтоватом лице.

– Доброе утро, доктор Франклин, – сказал он и выстрелил из слем-пистолета.

Каттер и Эрнест Аббуд молча смотрели на дымящуюся массу, останки доктора Франклина. Наконец Каттер провел рукой по бледному лицу.

– Это было так необходимо?

Аббуд словно только что его заметил.

– Почему нет? – Он пожал плечами и нацелил дуло пистолета Каттеру в живот. – Старик вряд ли перенес бы арест и тяготы спецлагеря.

Каттер достал пачку сигарет и медленно закурил, не сводя глаз с желтолицего юноши. Прежде он ни разу не встречал Эрнеста Аббуда, но знал о нем. Юноша пнул останки на полу.

– Выходит, сенатор Уолдо – сам телепат.

– Да.

– Франклин ошибался? Сенатор полностью сознает суть законопроекта?

– Ну разумеется! Закон об упразднении неприкосновенности – неотъемлемая часть нашей программы. – Аббуд повел стволом пистолета. – Снимите-ка защиту. Я не слышу ваших мыслей и потому нервничаю.

Каттер не спешил избавляться от капюшона. Он задумчиво бросил окурок на пол и растоптал его.

– Что вы-то здесь делаете? Вы ведь обычно работаете в Нью-Йорке. Далеко забрались! Аббуд улыбнулся.

– Когда доктор Франклин убежал от нас, мы успели просканировать его мысли. Девчонка слишком поздно дала ему капюшон: мы уловили ее отчетливый образ со спины, а после и в фас. Два часа назад цензурщики взяли ее и с пристрастием допросили. Состоялся первый контакт с подпольем. Агенты накрыли фабрику, арестовав почти всех работников.

– О... – только и вымолвил Каттер.

– Сейчас подпольщики в спецлагере. Капюшоны изъяты, запчасти переданы в государственную собственность, прессы разобраны. Насколько мне известно, попалась вся группа. Кроме вас.

– Тогда какой смысл снимать капюшон?

Глаза Аббуда недобро блеснули.

– А вы снимите, снимите. Хочу прощупать вас... господин капюшонщик.

Каттер фыркнул.

– О чем это вы?

– Несколько ваших людей представили отчетливые образы руководителя и деталей плана. Тогда я по телепатической эстафете предупредил сенатора Уолдо об операции подполья и приехал сюда. Захотелось лично с вами познакомиться.

– Чего ради?

– Как же! Такой случай!

– Какое у вас положение в системе? – спросил Каттер.

Желтое лицо Аббуда исказила гримаса.

– Хватит! Снимайте капюшон! Я мог бы распылить вас, но хочу сначала сканировать.

– Так и быть, сниму. Сканируйте меня и щупайте разум, сколько душе угодно, – произнес Каттер с очень серьезным лицом. Помолчав, он добавил: – В последней просьбе не откажешь.

– Вы о чем?

Сняв экран, Каттер отшвырнул его к двери.

– Ну? Что видите? Что я знаю такого, чего не знали прочие?

Секунду Аббуд молчал, а потом его перекосило. Ствол пистолета качнулся; Аббуд попятился, дрожа всем телом и беззвучно шевеля губами. Он в диком ужасе взирал на Каттера.

– Данное открытие я совершил недавно, – сказал капюшонщик. – У себя в лаборатории. Использовать не хотел, да только вы заставили снять капюшон. Секрет сплава всегда казался мне главнейшей тайной, до недавних пор. В некотором роде вот эта тайна куда важнее. Согласны?

Аббуд не отвечал. Его лицо приобрело болезненно-серый оттенок, рот немо открывался и закрывался.

– У меня появилась догадка, и я решил ею воспользоваться. Я знал, что вы, телепаты, происходите от группы жертв несчастного случая, водородного взрыва на Мадагаскаре. Это навело на мысль. Обычно мутанты представляют собой ветвь вида, достигшего стадии естественной мутации. Не в одной-единственной группе особей в конкретной точке мира, а по всей планете, везде, где мутантный вид обитает.

Причина вашего появления на свет – травма зародышевой плазмы у конкретной группы людей. Вы мутанты, но не в смысле естественного эволюционного процесса. Человечество еще не доросло до стадии мутации. Таким образом, вы и не мутанты вовсе.

Я начал исследования: и биологические, и статистические, социальные. Мы соотносили известные факты о вас, о каждом члене вашей группы, все, что сумели выявить. Возраст, род

занятий, семейное положение, дети... И в какой-то момент всплыли факты, которые вы прямо сейчас видите у меня в голове.

Каттер подался вперед, пристально глядя на юношу.

– Вы не мутанты, Аббуд. Ваша группа существует благодаря случаю. Аварии, взрыву. Вы родились такими благодаря искусственно приобретенному дефекту репродуктивной функции родителей. Вам недостает одной черты, характерной для истинных мутантов. – Каттер скривил губы в легкой усмешке. – Многие из вас женаты, и никто не продолжил свой род. Ни один из вас! Не родилось ни единого ребенка-телепата! Вы стерильны, Аббуд. Неспособны размножаться. Когда последний из вас умрет, тэпов на Земле не останется. Вы не мутанты. Вы просто выродки!

Дрожа, Аббуд хрипло фыркнул.

– Открытие у вас в голове. – Телепат не без усилий собрался с духом. – Оно – тайна. Ведь о нем больше никому не известно?

– Кое-кому известно.

– Кому?

– Вам. И раз вы телепат, то и всем остальным...

Аббуд выстрелил себе в живот, и мощь слем-пистолета разорвала его в клочья. Каттер отпрянул, прикрывая лицо руками и стараясь не дышать.

Когда он открыл глаза, от Аббуда уже ничего не осталось.

– Поздно, – покачал головой Каттер. – Вы опоздали, Аббуд. Сканирование происходит мгновенно... и, кстати, Уолдо в пределах вашего поля. Дальше дело за телепатической эстафетой. Даже если тэпы не прочли ваших мыслей, остаюсь я.

Хлопнула дверь, и Каттер обернулся. В прихожую ворвались агенты цензуры, глядя кто на пол, на останки телепата и Франклина, кто на Каттера.

Директор Росс смотрел на коротышку неуверенно, смущенно и озадаченно.

– Что случилось? Где...

– Сканируйте его! – выкрикнул Питерс. – Тэпа сюда, живо! Зовите Уолдо. Выясните, что случилось.

Каттер усмехнулся.

– Конечно-конечно, – кивнул он, не сдерживая радости и позволяя себе облегченно расслабиться. – Сканируйте. Мне прятать нечего. Зовите тэпа... если найдете хоть одного.

Невозможная планета

Название рассказа: Невозможная планета (The Impossible Planet)

Название эпизода сериала: Планета, которой не было (Impossible Planet)

Рассказ впервые издан в журнале Imagination за октябрь 1953 года

– Она встала и стоит, – нервно сказал Нортон. – Капитан, вы бы с ней поговорили.

– Что ей надо?

– Билет. Глухая тетеря. Стоит, смотрит и не желает уходить. Меня жуть берет.

Капитан Эндрюс медленно поднялся на ноги.

– Ладно, я с ней поговорю. Впусти ее.

– Спасибо. – Высунувшись в коридор, Нортон объявил: – Капитан с вами поговорит.

Проходите.

У двери в кабину управления что-то шевельнулось. Блеснул металл. Капитан Эндрюс отодвинул сканер и выжидающе встал.

– Сюда. – Нортон попятился в кабину. – Заходите. Вам сюда.

За Нортонем появилась сморщенная старушка. Рядом с ней двигался сверкающий робард – высоченный робот-стюард, который рукой ее поддерживал. Робард и старушка входили на мостик очень медленно.

– Вот ее документы. – Нортон выложил фолиант на навигационный пульт и потрясенно добавил: – Ей триста пятьдесят лет. Она из старейших в программе долгожителей. С Риги-Два.

Эндрюс неспешно листал фолиант. Миниатюрная женщина стояла перед пультом молча, глядя прямо перед собой. Ее выцветшие глаза были бледно-голубыми. Как древний фарфор.

– Ирма Винсент Гордон, – пробормотал Эндрюс. Он оторвался от документов. – Это так? Старушка не ответила.

– Она полностью оглохла, сэр, – сообщил робард.

Эндрюс хмыкнул и вернулся к чтению. Ирма Гордон была одной из первопоселенок системы Рига. Происхождение неизвестно. Видимо, родилась в космосе на одном из старинных досветовых кораблей. Его охватило странное чувство. Маленькое древнее существо. Какие столетия она видела! Какие перемены!

– Она желает лететь? – спросил он у робарда.

– Да, сэр. Она приехала из дома, чтобы купить билет.

– Она сможет выдержать перелет в космосе?

– Она прилетела с Риги сюда, на Фомальгаут-Девять.

– Куда она хочет отправиться?

– На Землю, сэр, – ответил робард.

– На Землю! – У Эндрюса челюсть отвисла. Он нервно выругался. – То есть как это?

– Она желает лететь на Землю, сэр.

– Видишь? – буркнул Нортон. – Совсем не в себе.

Стиснув край пульта, Эндрюс обратился к старухе:

– Мэм, мы не можем продать вам билет на Землю.

– Она вас не слышит, сэр, – напомнил робард.

Эндрюс нашел клочок бумаги и крупными буквами написал:

«НЕ МОЖЕМ ПРОДАТЬ ВАМ БИЛЕТ НА ЗЕМЛЮ»

Он протянул ей листок. Глаза старушки пришли в движение: она внимательно прочла его слова. Ее губы задергались.

– Почему? – проговорила она наконец.

Голос у нее оказался слабым и сухим. Как шелест тростника.

Эндрюс накорябал ответ:
«ТАКОГО МЕСТА НЕТ».

Он мрачно добавил:

«МИФ – ПРЕДАНИЕ – НИКОГДА НЕ СУЩЕСТВОВАЛА».

Блеклые глаза старухи оторвались от записки. Она бесстрастно посмотрела на Эндрюса. Ему стало не по себе. Рядом нервно потел Нортон.

– Иисусе, – промямлил Нортон. – Гоните ее отсюда. Она нас сглазит.

Эндрюс обратился к робарду:

– Ты можешь ей втолковать? Земли не существует. Это было доказано уже тысячу раз. Никакой изначальной планеты не существовало. Все ученые сходятся на том, что люди возникли одновременно по всей...

– Она желает лететь на Землю, – терпеливо объяснил робард. – Ей триста пятьдесят лет и ей прекратили проводить поддерживающую терапию. Она хочет перед смертью посетить Землю.

– Но это же миф! – взорвался Эндрюс.

Какое-то время он открывал и закрывал рот, но не мог произнести ни слова.

– Сколько? – спросила старуха. – Сколько вы хотите?

– Да не могу я! – крикнул он. – Нет такого...

– У нас тысяча позитивов, – сказал робард.

Эндрюс резко замолчал.

– Тысяча позитивов!

От изумления он побледнел. Зубы у него сжались, вся кровь отлила от лица.

– Сколько вы хотите? – повторила старуха. – Сколько?

– Этого хватит? – спросил робард.

Секунду Эндрюс только беззвучно сглатывал, но внезапно вновь обрел дар речи.

– Конечно, – сказал он. – Почему бы и нет?

– Капитан! – запротестовал Нортон. – Вы сбрендили? Вы же знаете, что никакой Земли нет! Как мы, к дьяволу...

– Конечно, мы ее отвезем. – Эндрюс медленно застегнул китель. Руки у него тряслись. – Отвезем, куда ей только заблагорассудится отправиться. Так ей и скажи. За тысячу позитивов мы с радостью доставим ее на Землю. Лады?

– Конечно, – ответил робард. – Она много десятков лет на это копила. Она отдаст вам тысячу позитивов прямо сейчас. Они при ней.

* * *

– Послушай, – сказал Нортон, – нам за такое могут дать двадцать лет. У тебя отберут лицензию и права, и...

– Заткнись. – Эндрюс крутанул ручку межпланетного видеопередатчика. Внизу взревели и запульсировали двигатели. Громоздкий транспортник вошел в глубокий космос. – Свяжите меня с главным информаторием Центавра-Два, – потребовал он в микрофон.

– Ты даже за тысячу позитивов не сможешь этого сделать. Никто не может. Землю пытались найти многие поколения. Корабли Директората обшарили все занюханные планеты во всей...

Видеопередатчик щелкнул.

– Центавр-Два.

– Главный информаторий.

Нортон схватил Эндрюса за локоть.

– Пойдите, капитан! Даже за две тысячи позитивов...

– Мне нужны следующие сведения, – сказал Эндрюс в видеопередатчик. – Все факты, которые имеются относительно планеты Земля. Мифической родины человечества.

– Известных фактов нет, – пришел бесстрастный ответ библиотечного монитора. – Тема классифицируется как метаконкретная.

– Какие непроверенные, но широко распространенные сообщения сохранились?

– Большинство преданий относительно Земли были потеряны во время Центаврийско-Ригенского конфликта в 4-ВЗЗа. Сохранились только фрагменты. Землю описывают либо как большую окольцованную планету с тремя спутниками, либо как маленькую плотную планету с одним спутником, либо как первую планету в десятипланетной системе с белым карликом...

– Какое предание самое распространенное?

– Доклад Моррисона от 5-С21р анализирует весь массив этнических и подсознательных сообщений о мифической Земле. В итоговом результате отмечено, что Землю обычно считают небольшой третьей планетой девятипланетной системы с одним спутником. Помимо этого никакого сходства в преданиях не выявлено.

– Ясно. Третья планета девятипланетной системы. С одним спутником.

Эндрюс разорвал связь, и экран погас.

– И что? – спросил Нортон.

Эндрюс стремительно встал.

– Надо полагать, она знает все предания о ней. – Он ткнул пальцем вниз, в направлении пассажирского отсека. – Надо подбить все итоги.

– Зачем? Что ты хочешь сделать?

Эндрюс развернул главную звездную карту. Он провел пальцами по оглавлению и включил сканер. В следующую секунду прибор выдал карту.

Капитан схватил карту и ввел ее в робопилот.

– Система Эмфора, – пробормотал он задумчиво.

– Эмфор? Мы туда летим?

– Согласно карте, существует девять систем, где имеется третья планета из девяти с одним спутником. Из этих девяти Эмфор ближе всего. Теперь мы летим туда.

– Не понимаю! – запротестовал Нортон. – Эмфор – это обычная торговая система. Эмфор-Три даже не числится в базах класса Д!

Капитан Эндрюс напряженно улыбнулся.

– У Эмфора-Три один спутник, и это третья из девяти планет. Больше нам ничего и не нужно. Кому-то про Землю известно что-то еще? – Он посмотрел вниз. – Ей известно о Земле что-то еще?

– Ясно, – медленно проговорил Нортон. – Начинаю понимать.

* * *

Под ними беззвучно вращался Эмфор-Три. Тусклый красный шар, повисший среди тошнотворных облаков, – его пропеченную и изъеденную поверхность лизали загустевшие остатки древних морей. Растрескавшиеся выветренные скалы устремлялись вверх. Плоские равнины были раскопаны и оголены. Огромные ямы испещряли поверхность бесчисленными разверстыми язвами.

Нортон скривился от отвращения.

– Ну и ну! Там хоть что-то живое есть?

Капитан Эндрюс нахмурился.

– Не ожидал, что планета настолько выпотрошена. – Он рванул к робопилоту. – Там внизу где-то должна быть автосцепка. Постараюсь ее разыскать.

– Сцепка? То есть эта пустошь населена?

– Немногочисленными эмфоритами. Какая-то выродившаяся торговая колония. – Эндрюс сверился с картой. – Коммерческие корабли изредка сюда заходят. После Центаврийско-Ригенской войны контакты с этим регионом стали зыбкими.

В коридоре вдруг раздался громкий шум. Сверкающий робард и миссис Гордон вошли в дверь кабины. На лице старухи отражалось возбуждение.

– Капитан! Там... там внизу – Земля?

Эндрюс кивнул:

– Да.

Робард подвел миссис Гордон к большому обзорному экрану. Лицо старухи дергалось, волны эмоций расходились по увядшим чертам.

– Не верится, что это и правда Земля. Это кажется невозможным!

Нортон пристально посмотрел на капитана Эндрюса.

– Это Земля, – заявил Эндрюс, избегая взгляда Нортон. – Скоро должна выйти луна.

Старуха ничего не сказала. Она повернулась к ним спиной. Эндрюс связался с автосцепкой и подключил робопилота. Транспортник содрогнулся и начал спуск: луч с Эмфора поймал его и взял управление на себя.

– Мы приземляемся, – сообщил Эндрюс старухе, прикоснувшись к ее плечу.

– Она вас не слышит, сэр, – сказал робард.

Эндрюс хмыкнул.

– Ну, так хоть видит.

Под ними стремительно увеличивалась изрытая, разрушенная поверхность Эмфора-Три. Корабль вошел в облачный пояс и снова вынырнул, летя над безжизненной равниной, раскинувшейся во все стороны до горизонта.

– Что там, внизу, случилось? – спросил Нортон у Эндрюса. – Война?

– Война. Разработки. И планета старая. Ямы – это, наверное, воронки от бомб. А длинные канавы – возможно, следы ковшей. Похоже, планету полностью выпотрошили.

Внизу промелькнул кривой ряд обломанных горных вершин. Они приближались к остаткам океана. Темная, больная вода плескалась внизу: громадное море под коркой соли и отходов. Его края исчезали под кучами наносов.

– Почему тут так? – вдруг спросила миссис Гордон. По ее лицу скользнула тень сомнения. – Почему?

– Вы о чем? – отозвался Эндрюс.

– Не понимаю. – Она растерянно смотрела вниз. – Все должно быть не так. Земля зеленая. Зеленая и живая. Синяя вода и... – Ее голос нервно дрогнул. – Почему?

Эндрюс схватил листок бумаги и написал:

«КОММЕРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОЩИЛА РЕСУРСЫ».

Миссис Гордон изучила его записку, кривя губы. Судорога сотрясла худое иссохшее тело.

– Истощила!.. – В смятении она перешла на визгливый крик. – Она не должна быть такой! Я не хочу, чтобы она была такая!

Робард взял ее за локоть.

– Ей следует отдохнуть. Я уведу ее в каюту. Прошу уведомить нас, когда произойдет посадка.

– Конечно.

Глядя, как робард уводит старуху от экрана, Эндрюс неловко кивнул. Та цеплялась за поручень, а ее лицо кривилось от страха и растерянности.

– Что-то не так! – стонала она. – Почему она такая? Почему...

Робард увел ее из кабины. Автоматически закрывшаяся дверь оборвала ее сетования.

Эндрюс расслабился в своем кресле.

- Господи! – Он закурил трясущимися руками. – Ну и вопли!
- Почти сели, – холодно объявил Нортон.

Они осторожно шагнули наружу – и на них налетел ледяной ветер. Воздух был противный: кислый и едкий. Как протухшие яйца. Ветер швырнул им в лица соль и песок.

Чуть дальше начиналось вязкое море. До них доносился его тихий, липкий плеск. Над головой пролетело несколько птиц, бесшумно махавших большими крыльями.

- Унылая проклятая дыра, – проворчал Эндрюс.
- Угу. Интересно, что думает старая дама.

Вниз по трапу сошел сверкающий робард, поддерживающий старушку. Она двигалась неуверенно и шатко, вцепившись в металлическую руку робота. Холодный ветер хлестнул ее немоющее тело. Она покачнулась – но двинулась дальше, сойдя с трапа на неровную землю.

Нортон покачал головой.

- Плохо выглядит. Этот воздух. И ветер.
- Да уж. – Эндрюс вернулся к миссис Гордон и робарду. – Как она? – спросил он.
- Ей нехорошо, сэр, – ответил робард.
- Капитан, – прошептала старуха.
- В чем дело?

– Вы должны сказать мне правду. Это... это действительно Земля?

Она пристально смотрела на его губы.

– Даете слово? Клянетесь?

От страха ее голос стал визгливым.

– Земля это! – раздраженно рявкнул Эндрюс. – Я же уже сказал! Конечно, Земля!

– Она не похожа на Землю. – Миссис Гордон в панике ухватила за его ответ. – Она не похожа на Землю, капитан! Это правда Земля?

– Да!

Ее взгляд скользнул к океану. Странное выражение промелькнуло на ее усталом лице, заставив глаза вспыхнуть внезапной жадой.

– Это вода? Я хочу посмотреть!

Эндрюс повернулся к Нортону.

– Выводи катер. Доставь ее, куда она скажет.

Нортон гневно отшатнулся.

– Я?

– Это приказ.

– Ладно.

Нортон неохотно вернулся к кораблю. Эндрюс мрачно курил и ждал. Наконец катер выскользнул из корабля и подкатился по праху прямо к ним.

– Можешь показать ей все, чего она захочет, – сказал Эндрюс робарду. – Нортон вас отвезет.

– Благодарю вас, сэр, – сказал робард. – Она будет очень признательна. Она всю жизнь хотела постоять на Земле. Она помнит, как дед ей про нее рассказывал. Она считает, что он сам прилетел с Земли, очень давно. Она очень старая. Она последняя в семье.

– Но Земля же просто... – Эндрюс его подловил. – То есть...

– Да, сэр. Но она очень старая. И она ждет уже много лет.

Робард повернулся к старухе и бережно повел ее к катеру. Эндрюс мрачно смотрел им вслед, потирая щеку и хмурия брови.

– Все в норме, – объявил Нортон из катера.

Он открыл люк, а робард аккуратно завел старуху внутрь. Люк за ними закрылся.

В следующую секунду катер помчался по солончаку к уродливо плещущему океану.

* * *

Нортон с капитаном Эндрюсом нервно ходили вдоль берега. Небо темнело. По ним хлестали соляные заряды. В сгущающемся мраке илистые отмели источали зловоние. Вдалеке смутная череда холмов беззвучно тонула в испарениях.

– Ну и? – спросил Эндрюс. – Что потом?

– А все. Она вышла из катера. Они с робардом. Я остался внутри. Они стояли и смотрели на океан. А спустя какое-то время старуха отправила робарда обратно к катеру.

– Зачем?

– Не знаю. Может, захотела побыть одна. Сколько-то постояла одна. На берегу. Глядя на воду. Ветер усиливался. А потом вдруг вроде как осела. Плюхнулась неловко, прямо в соленый прах.

– И что тогда?

– Не успел я опомниться, как робард выскочил наружу и бросился к ней. Поднял ее на руки. Постоял секунду – и пошел к воде. Я закричал и выпрыгнул из катера. Он шагнул в воду и исчез. Погрузился в ил и грязь. Исчез. – Нортон передернуло. – С ее телом.

Эндрюс яростно отшвырнул сигарету. Та откатилась им за спины, продолжая тлеть.

– Что-то еще было?

– Ничего. Все произошло мгновенно. Она стояла и смотрела на воду. Потом вдруг затряслась, как сухая ветка. А потом вроде как съежилась. А робард выбежал из катера и исчез с ней в воде, так что я даже не успел понять, что происходит.

Небо стало почти черным. Громадные облака вредоносных ночных испарений и мельчайших частиц мусора плыли на фоне блеклых звезд. Стая громадных птиц тихо пересекала горизонт.

Над изломанными холмами вставала луна. Больной, безжизненный диск, чуть желтоватый. Как старинный пергамент.

– Давай возвращаться на корабль, – сказал Эндрюс. – Не нравится мне здесь.

– Не могу понять, почему так получилось. Эта старуха...

Нортон потряс головой.

– Токсичный ветер. Радиация. Я связывался с Центавром-Два. Война всю систему опустошила. Превратила планету в смертоносные руины.

– Значит, нам не...

– Да. Нам не придется за это отвечать. – Какое-то время они двигались молча. – Объясняться не придется. Все достаточно очевидно. Любой, кто сюда прилетел бы, а особенно старый человек...

– Только сюда никто не стал бы прилетать, – с горечью бросил Нортон. – Особенно старый человек.

Эндрюс ничего не ответил. Он шагал вперед, опустив голову и спрятав руки в карманы. Нортон молча шел следом. Единственный спутник над ними стал ярче, выбравшись из туманов и попав на участок ясного неба.

– Кстати, – холодно и отчужденно сказал Нортон у Эндрюса за спиной, – я в последний раз с тобой летал. Я с корабля уже отправил официальный запрос на новое назначение.

– О!

– Решил тебе сообщить. И моя доля от тысячи позитивов. Оставь себе.

Эндрюс покраснел и ускорил шаги, оставив Нортон позади. Смерть старухи выбила его из колеи. Он зажег новую сигарету и тут же ее выбросил.

Проклятье! Его вины тут нет. Она была старая. Триста пятьдесят лет. Глухая и в маразме. Сухой лист, унесенный ветром. Ядовитым ветром, резкими порывами проносящимся по изуродованному лицу планеты.

Изуродованное лицо. Соленый прах и мусор. Ломаная линия осыпающихся холмов. И тишина. Вечная тишина. Только ветер и плеск вязкой застоявшейся воды. И темные птицы над головой.

Что-то блеснуло.

Что-то у его ног, в соленом прахе. Отразило болезненно-бледную луну.

Эндрюс наклонился и пошарил в темноте. Его пальцы ухватились за что-то твердое.

Он поднял небольшой кружок и всмотрелся в него.

– Странно, – сказал он.

Только когда они уже находились в глубоком космосе, несясь обратно к Фомальгауту, он вспомнил про тот кружок. Отодвинувшись от пульта, он пошарил в карманах, ища его.

Кружок оказался стертым и тонким. И ужасно старым. Эндрюс тер его и плевал на него, пока не отчистил так, чтобы рассмотреть его. Слабый отпечаток – и все. Он перевернул его. Жетон? Фишка? Монета?

На обратной стороне оказалось несколько бессмысленных букв. Какое-то древнее, забытое письмо. Он вертел кружок под лампой, пока не разобрал буквы.

E PLURIBUS UNUM

Пожав плечами, он швырнул древний кусок металла в утилизатор рядом с креслом и сосредоточился на звездных картах – и на пути домой...

Пригород

Название рассказа: Пригород (The Commuter)

Название эпизода сериала: Проездной билет (The Commuter)

Рассказ впервые издан в журнале Amazing Stories за август-сентябрь 1953 года

Маленький человечек устал. Он с горем пополам пробрался через вокзальную толчею к кассе. Переминаясь от нетерпения, отстоял очередь. Плечи его уныло поникли, коричневый плащ повис мешком.

– Следующий! – крикнул кассир Эд Джейкобсон.

Маленький человечек бросил на прилавок пятидолларовую купюру.

– У меня проездной истек, дайте новый. – Он заметил часы на стене. – Господи, уже столько времени?

Джейкобсон взял деньги.

– Хорошо, мистер. Проездной. Докуда?

– Мейсон-Хейтс, – сказал маленький человечек.

– Мейсон-Хейтс. – Джейкобсон сверился с преysкурантом. – Мейсон-Хейтс. Нет такой станции.

На лице у маленького человечка застыла подозрительная гримаса.

– Вы надо мной шутки шутите?

– Мистер, никакого Мейсон-Хейтс нету. Если нет станции, я не могу оформить туда проездной.

– Как это нет? Я там живу!

– Ничего не знаю. Я шесть лет продаю билеты, и такой станции нет.

У маленького человечка от изумления распахнулись глаза.

– Но у меня там дом. Я приезжаю туда каждый вечер. Я...

– Держите. – Джейкобсон сунул ему преysкурант. – Найдите сами.

Маленький человечек потянул преysкурант к себе. Глаза его лихорадочно бегали по строчкам, дрожащий палец скользил по списку.

– Ну что, нашли? – осведомился Джейкобсон, уперевшись руками в прилавок. – Нету, да? Потрясенный человечек покачал головой.

– Не понимаю. Чушь какая-то. Не может такого быть. Он точно...

И вдруг человечек исчез, будто его и не было. Преysкурант сиротливо упал на цементный пол.

– Дух святого Цезаря... – выдохнул Джейкобсон, как рыба разевая рот.

Одиноким преysкурант лежал на полу.

Маленький человечек прекратил существование.

– Что было дальше? – спросил Боб Пейн.

– Я вышел из-за прилавка и подобрал преysкурант.

– Он правда исчез?

– Правда, правда. – Джейкобсон утер лоб. – Жаль, ты сам не видел. Оп! – и пропал. Как ветром сдуло.

Пейн, откинувшись на стуле, раскурил сигарету.

– Ты его раньше видел когда-нибудь?

– Нет.

– Сколько времени было?

– Примерно как сейчас. Около пяти. – Джейсон выглянул в окошко кассы. – О, народ пошел.

– Мейсон-Хейтс. – Пейн зарылся в справочник населенных пунктов. – Что-то не видать такого названия. Если этот коротышка снова появится, отправь его ко мне. Хочу с ним пообщаться.

– Конечно. Только лучше бы он с концами пропал. Не люблю я эту мистику. – Джейкобсон повернулся к окошку. – Слушаю, леди.

– Два билета туда и обратно до Льюисбурга.

Пейн раздавил окурок и достал новую сигарету.

– Не покидает чувство, что где-то я слышал про Мейсон-Хейтс. – Он подошел к карте на стене. – А в справочнике его нет.

– Конечно, его нет в справочнике, потому что нет такого места, – сказал Джейкобсон. – Как думаешь, могу я круглыми днями продавать тут билеты и не знать хоть один самый захудалый поселок? – Он повернулся к окошку. – Да, сэр?

– Мне нужен проездной до Мейсон-Хейтс, – сказал человек, нервно поглядывая на настенные часы. – Поторопитесь, я спешу.

Джейкобсон зажмурился и глубоко вдохнул. Выдохнул. Открыл глаза. Человек никуда не делся. Морщинистое личико. Жиденькие волосенки. Очки. Понуро висящий плащ.

Джейкобсон молча развернулся и подошел к Пейну.

– Он снова здесь, – выдавил кассир. На нем просто не было лица.

У Пейна загорелись глаза.

– Давай его сюда.

Кивнув, Джейкобсон потопал к окошку.

– Мистер, не могли бы вы пройти вон в ту дверь? – попросил он. – Вас хочет видеть заместитель директора.

Человек потемнел лицом.

– В чем дело? У меня поезд отходит. – Бурча себе под нос, он толкнул дверь и шагнул в помещение кассы. – Никогда такого не было. Уже и проездной купить спокойно нельзя. Ну, если я опоздаю, я вам устрою...

– Сядьте, – попросил Пейн, указывая на стул для посетителей. – Это вы хотели купить проездной до Мейсон-Хейтс?

– И что такого? Да что с вами со всеми? Неужели нельзя просто оформить мне проездной? Всегда нормально продавали, а в этот раз устроили черт-те что!

– *Всегда* продавали?

Человек с трудом держал себя в руках.

– С декабря мы с женой живем в Мейсон-Хейтс. Я езжу на вашем поезде десять раз в неделю, дважды в день, уже полгода. Раз в месяц покупаю проездной.

Пейн наклонился к нему.

– На какой конкретно поезд вы садитесь, мистер...

– Критчет. Эрнест Критчет. Поезд Б. Вы что, не знаете собственного расписания?

– Поезд Б? – Пейн сверился с маршрутом поезда Б. Мейсон-Хейтс в списке не значился. – Сколько времени вам ехать?

– Ровно сорок пять минут. – Критчет посмотрел на настенные часы. – Если только я не опоздаю из-за вас.

Пейн подсчитал в уме. Сорок пять минут. Миль тридцать от города. Он подошел к большой карте, висящей на стене.

– В чем дело? – с явным подозрением спросил Критчет.

Пейн нарисовал на карте окружность радиусом в тридцать миль. Она прошла через множество населенных пунктов, но ни один из них не назывался Мейсон-Хейтс. На ветке Б в этой точке не было вообще ничего.

– Расскажите про Мейсон-Хейтс, – попросил Пейн. – Например, сколько там живет народу?

– Не знаю. Тысяч пять. Практически все время я провожу в городе. Я бухгалтер в «Страховой компании Брэдшоу».

– Мейсон-Хейтс – новый поселок?

– В какой-то мере. Мы живем в небольшом домике, так он построен года два назад. – Критчет поерзал на стуле. – Что насчет проездного?

– Боюсь, оформить вам проездной я не смогу, – размеренно сообщил Пейн.

– А? Почему?

– У нас нет маршрута до Мейсон-Хейтс.

Критчет подпрыгнул.

– Это как это?

– Нет такого места. Сами посмотрите на карте.

У Критчета отвалилась челюсть. По лицу прошла судорога. Он сердито подскочил к карте и вонзил в нее взгляд.

– Вот как оно выходит, мистер Критчет, – пробормотал Пейн. – Такого поселка нет на карте, нет в справочнике населенных пунктов. Нет в расписании. Мы не оформляем туда билеты. Не...

Тут он потерял дар речи. Критчет пропал. Вот только что стоял, уткнувшись в карту. А в следующий миг его нет. Растаял в воздухе.

– Джейкобсон! – заорал Пейн. – Опять пассажир исчез!

У Джейкобсона распахнулись глаза. На лбу выступили капли пота.

– Эвона как... – выдавил он.

Пейн в глубокой задумчивости разглядывал то место, где совсем недавно стоял Эрнест Критчет.

– Что-то происходит, притом чертовски странное, – пробормотал он. И вдруг, подхватив пальто, шагнул к дверям.

– Не бросай меня здесь! – взмолился Джейкобсон.

– Если что, я у Лоры. Бумажка с телефоном где-то в ящике стола.

– Не время сейчас для всякого баловства.

Пейн толкнул дверь, за которой простирался вестибюль.

– Какое уж тут баловство, – мрачно сказал он.

По лестнице Пейн взлетел, перепрыгивая через ступеньки. И давил на звонок, пока Лора Николс не открыла дверь.

– Боб! – удивленно моргнула она. – Чему обязана...

Отодвинув ее с дороги, Пейн зашел в дом.

– Надеюсь, я тебе не помешал.

– Нет, но...

– Дело на миллион. Мне нужна помощь. На тебя можно рассчитывать?

– На меня? – Лора закрыла за ним дверь.

Ее уютная квартирка утопала в тенях. Около зеленого дивана горела единственная лампа. Плотные шторы были задернуты. В углу тихонько напевал граммофон.

– Подозреваю, что схожу с ума. – Диван скрипнул под весом Пейна. – Нужно выяснить наверняка.

– Чем я могу помочь? – Лора с сигаретой в зубах медленно подошла к нему, сложив руки на груди. Взмахом головы отбросила непослушную прядь. – Введи меня в курс дела.

Пейн благодарно улыбнулся девушке.

– Только не падай. Мне надо, чтобы ты завтра, с утра пораньше, отправилась в центр и...

- Завтра с утра я работаю. На этой неделе мы запускаем новую серию репортажей.
- Черт бы с ними. Отпросишься. Иди в центральную библиотеку. Если там тебе не помогут, иди в главный суд округа и перерой там налоговые записи. Ищи, пока не найдешь.
- Что не найду?
- Пейн задумчиво раскурил сигарету.
- Упоминание поселка под названием Мейсон-Хейтс. Я точно о нем слышал. Когда-то давным-давно. Уловила суть? Ищи в старых атласах. В подшивках газет. В старых журналах. Отчетах. Планах застройки. Законопроектах.
- Лора тихо опустилась на подлокотник дивана.
- Ты серьезно?
- Более чем.
- Как глубоко копать?
- Лет на десять назад.
- Господи боже! Я там...
- Ищи, пока не найдешь. – Пейн решительно встал. – Увидимся.
- Уходишь? А как же сводить даму в ресторан?
- Прости. Дела, сплошные дела.
- Какие такие дела?
- Поеду в Мейсон-Хейтс.

Вдоль путей расстиались бескрайние поля, лишь кое-где стояли одинокие фермы. На фоне вечернего неба уныло торчали телефонные столбы.

Пейн посмотрел на наручные часы. Осталось недолго. Поезд въехал в очередной поселок. Пара бензоколонок, придорожные ларьки, магазин телевизоров. Показалась станция. Завизжали тормоза. Льюисбург. На выход пошли несколько пассажиров, мужчины в пальто, с газетами в руках. Двери захлопнулись. Перрон поплыл назад.

Откинувшись на сиденье, Пейн с головой ушел в думы. Критчет исчез, когда разглядывал карту. В первый раз он пропал, когда Джейкобсон показал ему преискуронт... Когда он своими глазами убедился, что Мейсон-Хейтс не существует. Можно ли за это уцепиться? События никак не хотели складываться в осмысленную картину.

Пейн перевел взгляд за окно. Время. Сейчас будет видно, что здесь есть или ничего нет. По ту сторону стекла чернели в сумерках бесконечные поля. Холмы и равнины. Телефонные столбы. Далекими пятнами по шоссе пролетали машины.

Ни единого намека на Мейсон-Хейтс.

Поезд с ревом катил вдаль. Пейн посмотрел на часы. Прошла уже пятьдесят одна минута. Снаружи ничего не было. Сплошные поля.

Он прошел по вагону и подсел к кондуктору, седовласому мужчине в летах.

– Вы слышали когда-нибудь о местечке Мейсон-Хейтс?

– Нет, сэр.

Пейн показал удостоверение.

– Вы точно уверены, что поселение с таким названием вам неизвестно?

– Абсолютно, мистер Пейн.

– Как давно вы работаете на этом маршруте?

– Одиннадцать лет, мистер Пейн.

Пейн доехал до следующей остановки, до Джексонвилля. Сошел на перрон и пересел на поезд, идущий назад, в город. Солнце зашло. На небе растаяли последние закатные лучи. В темноте за окном плыла все та же картина.

Он напрягся, задержал дыхание. Осталась минута. Сорок секунд. Есть там что-нибудь? Поля. Унылые столбы. Мертвая пустота между поселками...

Между поселками? Поезд летел вперед, разгоняя тьму. Пейн вперился в пейзаж. Что это там такое? Вроде бы что-то виднеется?

Над полями на добрую милю вытянулось облако полупрозрачного тумана. Что это, дым от локомотива? Так он же дизельный. Грузовик проехал по шоссе? Траву жгут? Но на полях не было выгоревших мест.

Вдруг поезд стал тормозить. Пейн напрягся. Взвизгнули тормоза, вагон заходил ходуном. И замер.

Высокий мужчина в светлом плаще встал и надел шляпу. Пейн заворуженно следил, как долговязая фигура, спрыгнув из вагона на землю, стремительно шагает по темному полю. Человек целеустремленно шел к облаку серой дымки.

Ноги его оторвались от земли на добрый фут. Шагая по воздуху, мужчина свернул направо и взлетел еще выше, уже фута на три. Перед ним выросла стена тумана. Человек нырнул в нее – и исчез.

Пейн бросился к дверям, но поезд уже тронулся. Снова за окном поплыли поля. К стене вагона привалился кондуктор, пухлощекий юнец.

– Слушай, – проскрежетал Пейн. – Это что за остановка была!

– Прошу прощения, сэр?

– Остановка! Это где вообще есть?

– Мы всегда здесь останавливаемся. – Кондуктор запустил руку в карман и неторопливо достал оттуда целую пригоршню расписаний. Покопавшись в них, выбрал одно и протянул Пейну. – Поезд Б всегда останавливается в Мейсон-Хейтс. А вы что, не знали?

– Нет!

– Там все записано. – Юнец снова уткнулся носом в желтую прессу. – Всегда здесь останавливаемся. Чего орать-то?

Пейн дрожащими руками открыл расписание. И впрямь, Мейсон-Хейтс стоял между Джексонвиллем и Льюисбургом. Ровно в тридцати милях от города.

Облако серого дыма. Быстро обретающее форму. Словно материализуется нечто новое. А ведь правда кое-что появилось.

Мейсон-Хейтс!

Следующим утром он заглянул к Лоре. Та в светло-розовом свитере и темных брюках сидела за журнальным столиком. Перед ней высилась стопка бумаг, рядом лежали карандаш и ластик, стоял стакан солодового молока.

– Ну что, как результаты? – с места в карьер начал Пейн.

– Выяснила все, что ты просил.

– Поделишься?

– Это долгая история. – Лора похлопала по записям. – Самое важное я выписала.

– Расскажи коротенько.

– Семь лет назад окружной совет поставил на голосование проект трех новых спальных пригородов. Одним из них и был Мейсон-Хейтс. Споры разгорелись не на шутку. Торговые круги выступили резко против, мол, магазины лишатся клиентуры.

– Продолжай.

– Баталии кончились не скоро. Наконец приняли положительное решение по двум поселкам из трех. Уотервилль и Сидер-Гроувз. Мейсон-Хейтс вычеркнули из списка.

– Ясно, – задумчиво пробормотал Пейн.

– Таков был компромисс: два поселка вместо трех. И Мейсон-Хейтс принесли в жертву. Те два одобренных построили мгновенно. Да ты и сам знаешь. Мы как-то были проездом в Уотервилле. Неплохое местечко.

– Но Мейсон-Хейтс вычеркнули из списка.

– Именно.

Пейн почесал подбородок.

– Вот оно как, значит.

– Собственно, конец истории. Ты понимаешь, что я убила на все про все полдня? Теперь ты *обязан* пригласить меня на ужин. Прямо сегодня. Может, пора найти другого мужика? Я начинаю думать, что ты – не такая уж и выгодная партия.

Пейн рассеянно кивнул.

– Семь лет назад. – Тут его осенила внезапная мысль. – Голосование! Скольких голосов не хватило Мейсон-Хейтс?

Лора сверилась с записями.

– Проект отклонили с перевесом в один голос.

– Один голос. Семь лет назад. – Пейн пошел к дверям. – Спасибо, милая. Наконец-то все обретает смысл. Да еще какой!

У подъезда он поймал такси и попросил отвезти его к вокзалу. Мимо пролетали улицы и вывески, люди и машины.

Интуиция его не подвела. Он слышал это название. Семь лет назад. Яростные споры вокруг проекта трех пригородов. Два поселка получили одобрение, третий остался только на бумаге.

Но спустя семь лет он воплотился сам по себе. И поселок, и вместе с ним – целый пласт неопределенной реальности. Почему? Изменилось прошлое? Произошел сдвиг во временном континууме?

Эта гипотеза все объясняет. Мейсон-Хейтс не хватило единственного голоса. Может, во времени есть нестабильные участки. И среди них – тот самый период, семь лет назад. Вдруг он так и не «застыл» до конца? Странная мысль: событие меняется, уже став прошлым.

Тут Пейна подбросило – взгляд зацепился за невзрачное здание на другой стороне дороги. Провожая вывеску, Пейн ел глазами каждую букву.

СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ БРЭДШОУ. НОТАРИУС

Именно здесь работает Критчет. Интересно, эта контора тоже исчезает? Или надежно осела в реальности? По нервам прокатилась волна беспокойства.

– Давай побыстрее, я спешу, – приказал Пейн таксисту.

Когда поезд затормозил на Мейсон-Хейтс, Пейн сразу бросился к дверям. Едва смолк скрип тормозов, как он выскочил на щебенку насыпи и оглянулся по сторонам.

Мейсон-Хейтс сиял на солнце, ровные ряды домов протянулись во все стороны. В центре торчал шатер театра.

Даже свой театр есть. Пейн перебрался через рельсы и пошел в поселок. На пути у него лежала автостоянка. Миновав асфальтовое поле и бензоколонку, он вышел на тротуар центральной улицы города. Впереди по обе стороны выстроились магазины. Скобяные товары. Две аптеки. Сто мелочей для дома. Современный универмаг.

Сунув руки в карманы, Пейн брел куда глаза глядят. А глядели они на Мейсон-Хейтс. Впереди показался высокий, необъятный жилой дом. Дворник моет крыльцо. Все такое новенькое, современное. Дома, магазины, асфальт под ногами. Парковочные счетчики. Полицейский в коричневой форме выписывает штраф. Вдоль дороги выстроились деревья. Аккуратно подстриженные.

Перед супермаркетом стоял лоток с апельсинами и виноградом. Подцепив виноградину, Пейн отправил ее в рот. По языку растеклась сочная сладость. Ягода была совершенно реальной. А ведь еще вчера здесь простиралось голое поле.

Пейн зашел в аптеку. Покрутил в руках журналы, сел к прилавку и попросил у румяной официантки чашку кофе.

– Милый у вас поселок, – сказал он, когда та принесла заказ.

– Мне тоже нравится.

– А вы... давно работаете здесь?

– Три месяца.

– Три месяца? – Пейн окинул взглядом невысокую блондинку, так и пышущую здоровьем. – А сами живете в Мейсон-Хейтс?

– Конечно же.

– Давно?

– Ну, пару лет точно.

Официантка пошла обслуживать солдата, присевшего на другом конце прилавка. Пейн сидел, курил, глазел на прохожих сквозь витрину. Самые обычные люди. Мужчины, женщины. Женщин больше. Многие с сумками или проволочными тележками. Туда-сюда сновали машины. Сонный пригород. Современный, для населения чуть выше среднего класса. Приличное место. Никаких трущоб. Опрятные домики. Газоны, магазины с неоновыми вывесками.

В аптеку, хохоча и пихая друг друга, ввалилась орава старшеклассников. Две девочки в ярких кофточках сели рядом с Пейном и заказали лимонад. До него долетали обрывки их веселого трепы.

Пейн мрачно смотрел на школьников и думал свою думу. Да, в их реальности сомневаться не приходится. Помада, ногти крашенные. Кофточки, охапки учебников. Полная аптека молодежи.

Он устало потер лоб. Снова вернулось ощущение, что он сошел с ума. Поселок был совершенно, абсолютно настоящий, словно всегда здесь был. Не могло же все это возникнуть из ничего, из облака серого дыма. Пять тысяч человек, дома, улицы, магазины.

Магазины. Страховая компания Брэдшоу.

По спине побежали мурашки. В мозгу полыхнула догадка. Новая реальность пускает побеги за пределы Мейсон-Хейтс. Город тоже меняется. Страховая компания Брэдшоу. Там работает Критчет.

Отдельно от города Мейсон-Хейтс существовать не может. Они связаны. Пять тысяч человек переехали оттуда сюда. Они где-то работают, где-то обедают, с кем-то общаются.

Насколько глубоко перемены затронули город?

Пейн бросил на прилавок монетку и, одолев дверь, побежал на станцию. Надо срочно возвращаться. Как там Лора, цела ли? Не пропала? А сам он в безопасности?

От страха перехватило дыхание. Лора, все, нажитое нелегким трудом, его планы, надежды, мечты. Черт с ней, с загадкой Мейсон-Хейтс. Его собственная жизнь под угрозой. Необходимо убедиться, что его личный мир не смыли круги перемен, расходящиеся от Мейсон-Хейтс.

– Куда едем? – спросил таксист, когда Пейн выскочил из дверей вокзала.

Тот назвал адрес, и такси влилось в поток машин. Пейн ерзал на сиденье. Мимо пролетали офисные здания. Клерки уже потянулись с работы, они заполонили все улицы и кучковались на каждом углу.

Насколько сильны перемены? Вот этот супермаркет, он всегда здесь стоял? А рядом приютилась лавка чистильщика сапог, раньше Пейн ее не замечал.

МЕБЕЛЬ МОРРИСА

Этого магазина он точно не помнил. Но какой отсюда вывод? В голове все смешалось. Как отличить новое от старого?

Такси затормозило у подъезда. На миг Пейн замер, озираясь. На углу квартала ставил тент хозяин магазина итальянской кулинарии. Этот продуктовый был здесь раньше?

Пейн не помнил.

А куда делся мясной рынок на той стороне улицы? Теперь там выстроились в ряд аккуратные домики. Выглядят так, будто торчат здесь с незапамятных времен. Был рынок или не было? Дома стояли как влитые.

Через квартал на доме блестел полосатый столбик парикмахерской. Раньше тут была парикмахерская?

Может, да. А может, и нет. Все текло, все менялось. Что-то появлялось, что-то исчезало. Память, она же слепок прошлого. Как ей верить-то? На что опереться?

Ужас сковал его. Лора. Смысл его жизни...

Пейн забежал на крыльцо и толкнул дверь подъезда. Взлетел по лестнице на второй этаж. Квартира была не заперта. Сердце подкатило к горлу. Входя внутрь, он молча возносил молитвы.

В гостиной было тихо и темно. Яркий луч пробивался в узкую щель между шторами. Выпученными глазами Пейн обвел комнату. Голубой диван, стопка журналов на подлокотнике. Низенький столик из светлого дуба. Телевизор. И ни души.

– Лора! – выдохнул он.

Лора, тревожно озираясь, выскочила из кухни.

– Боб! Ты уже дома? Что-то случилось?

Напряжение ушло, будто из тела выдернули стержень.

– Привет, дорогая. – Он поцеловал Лору, прижал к груди. Она была теплой, материальной, самой настоящей в целом мире. – Нет, все в порядке. В полном порядке.

– Точно?

– Точно, точно.

Дрожащими руками Пейн стянул плащ и бросил на диван. Вокруг царила привычная обстановка, и каждый знакомый предмет придавал ему уверенности. Вот голубой диван с дырками от сигарет на ручке. Потертая скамеечка для ног. Стол, за которым он работает по ночам. За книжной полкой притулились удочки.

Большой телевизор, купленный совсем недавно, в прошлом месяце. И он на месте, надо же.

Его жизнь, его пожитки, все сохранилось. Ничего не пропало.

– Ужина придется подождать с полчаса, – беспокойно проворчала Лора, развязывая фартук. – Я тебя не ждала в такую рань. Сижу весь день, не знаю, чем себя занять. Почистила плиту. Заходил коммивояжер, оставил образец нового чистящего средства.

– Ну и ладно. – Пейн разглядывал любимую репродукцию Ренуара на стене. – Не суетись. Так приятно видеть, что все на месте. Я...

В спальне громко заплакал ребенок.

– Ой, мы разбудили Джимми, – дернулась Лора.

– Джимми?

– Милый, ты что, забыл, как зовут сына? – засмеялась она.

– Нет, конечно, – недовольно проворчал Пейн. Следом за Лорой он медленно зашел в спальню. – Знаешь, мелькнуло чувство, что все вокруг не такое. Странное, незнакомое. – Он нахмурился и потер лоб. – Будто все плывет перед глазами.

Стоя у колыбели, они смотрели на малыша. А глазки Джимми следили за мамой и папой.

– Может, тебе напекло голову? – предположила Лора. – Сегодня на улице жуткая жара.

– Скорее всего. Ну, сейчас я в порядке. – Пейн протянул руку и погладил ребенка. Другой рукой прижал к себе жену. – Пожалуй, что и впрямь напекло голову.

Он посмотрел в глаза любимой женщине и улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.